

СУДЬБА ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ДИФТОНГОВ /*ĕa*/, /*ĕo*/, /*io*/ В КЕНТСКОМ

А. СТЕПОНАВИЧЮС

В древнеанглийских диалектах дифтонги /*ĕa*/, /*ĕo*/, /*io*/ обозначались, как правило, соответствующими диграфами *ea*, *eo*, *io*¹.

Дифтонг /*ĕa*/ устойчиво обозначался через *ea* и в древнекентском. Только в латинских грамотах VIII в. в нескольких английских именах употребляется буквосочетание *aea*. Особенно этим выделяется грамота 6, где так пишутся все слова, содержащие /*ĕa*/: *balithhaeardi* (др.а. — *hĕard*) 3, *aethiliaeardi* (др. а. — *gĕard*) 4, *aeambherhti* (др. а. *ĕan-*) 4. Примеры из других грамот представляют собой сложные слова с элементом *ĕa*: *liminaea* гр. 5/4 (но *theabul* 7), *liminaea* гр. 7/1². В грамоте 8 всюду имеем обычное *ea*: *heaberhcto* (др. а. *hĕah-*) 1, *heahhaam* 3, *eardulfus* (др. а. *ĕard-*) 4 и др.

Говоря об орфографическом обозначении дифтонгов /*io*/, /*ĕo*/ в древнекентском, прежде всего нужно отметить смещение диграфов *io*(*ia*), *eo*(*ea*). Самые ранние грамоты в этом отношении непоказательны, потому что слов, которые содержали бы долгие /*io*/, /*ĕo*/, здесь нет, а краткие /*io*/, /*ĕo*/ остались без обозначения. Смещение явствует из анализа грамот IX в. Здесь, по сути дела, как /*io*/, так и /*ĕo*/ одинаково могут писаться через *io*(*ia*) и *eo*(*ea*)³:

bebeode гр. 37/12, 15, 28, гр. 39/8, гр. 41/28, гр. 42/12, *bibeadeð* гр. 41/64, *gebeode* гр. 37/33 — *bebiade* гр. 39/6, 40/18 (др.а. *bĕodan*);

ceol- гр. 33/17, 20, гр. 34/5, гр. 35/11, гр. 38/15, гр. 40/2, 11, гр. 42/23, гр. 43/8 — *ciol-* гр. 36/6, гр. 41/47, 56, гр. 44/2, 3, 6, 6, *cial-* гр. 31/5, гр. 38/19, гр. 44/1 (др. а. *cĕol*);

deor- гр. 35/12 — *diar-* гр. 43/9 (др. а. *dĕor*);

¹ K. Luick, Historische Grammatik der englischen Sprache, Leipzig, 1921, § 119, 125, 126; A. Campbell, Old English Grammar, Oxford, 1959, § 37, 38.

² Такие написания нельзя считать какой-то кентской особенностью, потому что *aea* (наряду с *aeo*) употребляется в именах собственных Истории Беды (нортумбрийский VIII в.): *aeanfled* (др. а. *ĕan-*), *ĕanfled*, *aeanheri*, *aeodbaldum* (др. а. *ĕad-*), *aeodbaldo* (2), *æata*, в Liber Vitae (нортумбрийский IX в.): *aeostoruini* (др. а. *ĕastor-*), в мерсийских Corpus-глоссах: *genæol* (др. а. *genĕat*). См. K. Luick, Указ. соч., § 119; E. Sievers—K. Brunner, Altenglische Grammatik nach der angelsächsischen Grammatik von Eduard Sievers neubearbeitet von Karl Brunner, Halle (Saale), 1951 § 75 Anm. 1.

³ Диграфы *ia*, *ea* при обозначении дифтонгов /*io*/, /*ĕo*/ следует рассматривать как варианты *io*, *eo*. Подробнее см. ниже.

điow(as) гр. 37/6, 38, *điowe* гр. 41/33 (др. а. *þēow*);
liofre гр. 41/15, 17, 24, 25, *liofast* гр. 42/14, 22 (др. а. *lēof*);
ateon гр. 38/13 — *ationne* гр. 42/22 (др. а. *tēon*);
hio гр. 34/11, 12, 41/69, *hia* гр. 38/5, 9, гр. 41/9, 25 (др. а. *hio*);
sio гр. 37/33, *sia* гр. 39/11, 40/22 (др. а. *sio* мест.);
friond(a) гр. 40/4, 7, *friandum* гр. 38/8 (др. а. *friand*);
friodome гр. 42/3 (др. а. *frio*);
friols гр. 44/7 (др. а. *friols*);
beorn- гр. 33/2, 16, гр. 34/6, гр. 35/10, гр. 37/1, гр. 40/12, 14, *bearn-* гр. 37/45 — *biorn-* гр. 36/8, *biarn-* гр. 38/16, 16, 17, 19, гр. 43/9 (др. а. *bēorn*);
ueeorolde гр. 37/39, *weoroldcundum* гр. 37/39 — *wiaralde* гр. 40/20 (др. а. *wēorold*);
weorðe (др. а. *wēorð* прил.) гр. 41/7, 36, 42, *geueorðiaē* (др. а. *wēorðian*) гр. 37/9, 13 — *wiorð* (др. а. *wēorð* суш.) гр. 34/14;
begeotan гр. 37/20, 23, гр. 41/8 (др. а. *begēotan* < **begētan*);
feola гр. 37/31; *feologeld* гр. 33/2, гр. 34/17, гр. 35/11 (др. а. *fēola* < **fela*);
ciollan гр. 41/11 (др. а. *cēola*);
heora гр. 42/10, 13, 19 — *hiora* гр. 34/9, 10, 12, 14, 19, гр. 37/8, 10, 12, 24, 28, 35, 40, 43, гр. 41/38, гр. 42/9, 12 (др. а. *hiora*);
niomanne гр. 41/15 (др. а. *nioman* < **nīman*);
wiohtun гр. 34/7 (др. а. *wioht*);
bewiotige гр. 41/13 (др. а. *bewiotian* < **bewitian*);
gewriota гр. 42/18 (др. а. *gewriota* < **gewriota*).

Характерно, что смешение /*io*/ и /*ēo*/ происходит в пределах одной грамоты, представляющей собой без исключения текст очень малой протяженности. В частности, в грамоте 42 /*ēo*/ пишется через *eo* в словах *gefeormien* 9, *forgeofan* 5, но через *io* в *siolfne* 5; /*io*/ пишется через *io* в *hiora* 9, 12, *gewriota* 18, но через *eo* в *heora* 10, 19; /*ēo*/ пишется] через *eo* в *beotting* 1, *ceolnoð* 23, *bebeode* 12, *beode* 13, но через *io* в *liofast* 14, 22, *atione* 22, *durhtion* 10; /*io*/ отражено в написании имеющегося в грамоте слова *friodome* 3⁴.

Легко заметить, что в кентских грамотах наиболее устойчивыми бывают написания слов с первоначальным /*io*/; в данном случае господствует диграф *io*. Но слова с /*ēo*/, если только они засвидетельствованы большим числом форм, обязательно колеблются между написаниями *io* и *eo*. Как подсчитал Кэмпбелл⁵, в грамотах 34—44

др. а.	/ <i>ēo</i> /	пишется	<i>eo</i> 30, <i>io</i> 3, <i>ia</i> 9, <i>ea</i> 3	раза;
	/ <i>io</i> /	—	<i>eo</i> 9, <i>io</i> 19, <i>ia</i> 2, <i>ea</i> 3	раза;
	/ <i>ēo</i> /	—	<i>eo</i> 19, <i>io</i> 17, <i>ia</i> 5, <i>ea</i> 1	раз;
	/ <i>io</i> /	—	<i>eo</i> 2, <i>io</i> 11, <i>ia</i> 8	раз.

Во многом сходное положение обнаруживается при анализе Псалма L, Кентского гимна и Кентских глосс.

⁴ A. Campbell, An Old English Will, JEGP ("The Journal of English and Germanic Philology"), Vol. XXXVII, No 2, 1938, p. 149.

⁵ Там же.

Псалом L:

др. а. /*ēo*/ пишется *eo* в *breogo* 49, *feola* 48, *feores* 20, *georne* 27, 29, 118, *forgeofene* 145, *meotod* 140, *weogas* 105, *weoloras* 116, *weora* 54, *handgeweorces* 32, *weoruda* 30, 36, 94, 121, *weorada* 17, *weorc* 25, *aweorp* 94, *weorðne* 150, *weorðe* 78, 132, *weorðan* 12, 53, 104, *io* — в *hiofenum* 4, *hiofenrices* 113, *hiortan* 88, *hiorte* 127, *mildhiortnesse* 34;

др. а. /*īo*/ пишется *eo* в *eorre* 24, *io* — в *hiom* 57, *hiora* 107, *hiorde* 101, 107, *sioddan* 66, 103, 117;

др. а. /*ēo*/ пишется *eo* в *seocan* 109, *beeode* 66, *hleodor* 77, *io* — в *diormod* 1, *geiode* 13, *liofwende* 136, *liofost* 3, *lihtes* 69, 101, 139, *lihtfruma* 46, *þioda* 26, *þiode* 146, *þiodum* 7, *ðiowa* 9, *triowfest* 114;

др. а. /*īo*/ пишется *eo* в *befreo* 110, *io* — в *geniowa* 93, *lioda* 136, *liodum* 118, *hio* 56, 106, 137, *ansione* 85, 95, *bioð* 80.

Кентский гимн:

др. а. /*ēo*/ пишется *eo* в *eorðan* 5, 13, *heofenlic* 22, *heafena* 29, *weorada* 1, *weorðlican* 10, *io* — в *hiofen* 13, *hiofena* 42, *hiofenrices* 2;

др. а. /*ēo*/, /*īo*/ пишутся *io* (/*ēo*/: *hliodorcwidum* 2, *liofan* 33, *liofwendum* 3, *liht* 22, *sio* гл. 4, *þioda* 9, *triow* 27; /*īo*/: *fiond* 25, *ðriostre* 28).

Глоссы Беды (рукопись *Cotton Tib. c. II, IX* или *X* в.):

др. а. /*ēo*/, /*īo*/ пишутся через *io* (*wæstemiornis* 19, *oferbliocan* 44, *stiocode* 23);

др. а. /*ēo*/ пишется *eo* в *abreotnissa* 86, *io* — в *nior* 33, *biotan* 52;

др. а. /*īo*/ пишется *eo* в *neowre* 87, *io* — в *diostrum* 12, *burgliod* 17, *bioð* 23, *iogetioded* 40.

Кентские глоссы:

др. а. /*ēo*/ пишется *eo* в *georlice* (= *gēornlice*) 1037, *geornlicost* 1159, *flitgeornan* 972, *flitgeor* 1022, *heortan* 612, *sweostor* 1185, *ðweorum* 812, *weogas* 21, *weolan* 320, *weorc* 369, *weorðne* (др. а. *wēorð*) 643, *weorðiad* 671, *geweolugad* (от др. а. *gewēol(u)gian*) 861, *geweolegad* 789, *geweoleg(i)e* 252, *geweorðleht* (др. а. *gewēorodlæcan*) 1017, *gearweorðas* (др. а. *-wēorðian*) 959, *-weorðum* 250, *uderwreodað* (= *underwrēodað*) 644, *weolegrum* 834, *io* — в *aciorsfan* 1166, *ongiotað* 230, *giofa* 175, *fior* 677, *ciori* 1195, *atiara* (др. а. *atēorian*) 38, *wiolegran* 377;

др. а. /*īo*/ пишется *eo* в *seodðan* 1118, *forweorð* 342, *aweorþ* 368, *gesweotelad* (др. а. *geswīotolian*) 327, *io* — в *iorsienne* (др. а. *iorsian*) 645, *hiora* 161, 312, *hiore* 285, 991, 1138, *liornie* 846, *stiorce* 525.

др. а. /*ēo*/, /*īo*/ пишутся *eo* лишь в следующих словах, составляющих очень незначительную часть всех примеров: *beoð* 826, *deohlum* (др. а. *dēohl*, *dēogol*) 765, *forleose* 1057, *steopfeder* 1192, *steopsunu* 1193, *steopdohter* 1194, *weox* прет. (от др. а. *wēaxan*) 1200, *hreasð* 349, *freondscipas* 601; в подавляющем большинстве случаев пишется *io*: *bebiodað* 247, *bebiot* 816, *diop* 829, *dior* прил. (др. а. *diore*) 623 и др.⁶

⁶ Колебания при обозначении дифтонгов. /*īo*/, /*ēo*/ через *io*, *eo* отмечены в ранних памятниках и других диалектов. Правда, в нортумбрийских *Liber Vitae*, *Генеалогиях* (начало IX в.) и даже в именах собственных *Истории Беды*, как это показало

Одной из особенностей древнекентской орфографии является также написание *ia* (*ea*) вместо *io*, *eo* при обозначении дифтонгов */io/*, */ēo/*. Как видно по подсчету Кэмпбелла (см. стр. 212), *ia* (*ea*) встречаются на месте */io/*, */ēo/* слишком часто, чтобы их можно было считать случайными написаниями. Некоторые слова засвидетельствованы в написаниях через *ia*, *ea*, почти столько раз, как и в написаниях через *io*, *eo*:

biarn- гр. 38/16, 16, 17, 19, гр. 43/9, *bearn-* гр. 37/45 — *beorn-* гр. 33/2, 16, гр. 34/6, гр. 35/10, гр. 37/1, гр. 40/12, 14;

hia гр. 38/5, 9, гр. 41/9, 25 — *hio* гр. 34/11, 12, гр. 41/69;

sia гр. 39/11, гр. 40/22 — *sio* гр. 37/33;

cial- гр. 38/19, гр. 44/1 — *ceol-*, *ciol-*, гр. 33/17, 20, гр. 34/5, гр. 35/11, гр. 36/6, гр. 38/15, гр. 40/2, 11, гр. 41/47, 56, гр. 43/23, гр. 42/8, гр. 44/2, 6, 6, 3⁷.

В кентских грамотах в качестве единичных примеров встречаются также написания *eo* для */ēa/*⁸:

gegeorwien (др. а. *gegēarwian*) гр. 37/30;

reogolweord (др. а. *reogulwēard*) гр. 37/33;

beorn (др. а. *bēarn*) гр. 38/13;

eosterege, *eostorege*, *eosterge* (др. а. *ēastorege*) гр. 35/3, 4, 7, 7, 10 (ср. *easterege* 2, 10).

детальное исследование Зиверса, орфографическое разграничение */io/* и */ēo/* соблюдается довольно строго. В *Liber Vitae* Зиверс указывает лишь на два случая написания */io/* через *eo*: *streonberct*, *streonulff*. Но в более поздних нортумбрийских памятниках, в Линдисфарнском евангелии и *Rushworth*² (оба X в.), колебания отмечены уже большим числом форм. В мерсийском смешении *eo* и *io*, которое встречается уже в Эпинальских и Согрус-гlossах, становится особенно частым при обозначении */ēo/* и */io/* в Веспасианском псалтыре; здесь при обозначении */ēo/* знак *io* не встречается, но *eo* часто пишется для */io/* *eorre*, *seolfur*, *neomendum* и др. См. E. Sievers, *Zur geschichte der ags. diphthonge*. PBB („Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“), Bd. XVIII, S. 411—416; A. Campbell, *OE Grammar*, § 293—296.

⁷ Из памятников других диалектов *ea*, *ia* на месте */ēo/*, */io/* несколько раз встречаются в Веспасианском псалтыре и гимне, при том *ea* чаще *ia*: *adeastrade* (наряду с *deostru*, *adeostrade*, *adiostrade*), *deada*, *diada* (наряду с обычными *deod*, *diod*), *eaes*, *onwleatan* (наряду с обычными *-wlit-*, *-wleot-*), *earde*, *earðan* (наряду с обычными *eorde*), *heara*. В рукописи *Rushworth*¹ (мерсийский X в.) *ea* несколько раз пишется для */ēo/* (*awearpa*, *wearp*, *wearpe*), хотя на месте */ēo/* оно здесь не попадает. Самое большое распространение подобное использование диграфа *ea* получило в памятниках, представляющих север нортумбрийского диалекта. Отмеченное уже в надписи на Рутуэллском кресте, *ea* для */ēo/* становится почти всеобщим обозначением в Линдисфарнском евангелии и Дургамском требнике. См. E. Sievers—K. Brunner, *Указ. соч.*, § 35 Anm. 1.

⁸ Такое употребление диграфа *eo* редко в письменных памятниках и большинстве других диалектов. Это, прежде всего, написания *eo* в именах собственных Истории Беды (*eodbaldo*, *eodfrid*; ср. *aeodbaldum*, *aeodbaldo* там же), *deothdæge* в Предсмертной песни Беды. В *Liber Vitae*, по подсчету Чэдвика, имеется 12 примеров с *eo* (*aeo*) для */ēa/*: *eoduulf*, *eomund*, *eosturuini* и др., а также несколько *eo* для */ēa/*: *beodu* (4), *heodu* (1). Лишь в *Rushworth*² *eo* при обозначении */ēa/* значительно преобладает над *ea*; при обозначении */ēa/* оно употребляется почти в трех случаях из четырех. См.: E. Sievers—K. Brunner, *Указ. соч.*, § 35 Anm. 1; H. M. Chadwick, *Studies in Old English*, “Transactions of the Cambridge Philological Society”, Vol. IV, part 2, London, 1899, p. 178—179.

В кентских памятниках среднеанглийского периода рефлексy др. а. /*ēa*/ обозначаются следующим образом⁹.

Поэма *Morale*¹⁰

1. др. а. /*ēa*/ — ср. кент. *ea*. Традиционный диграф является наиболее распространенным написанием. Сюда относятся: *breade* (др. а. *brēad*): *deade* (др. а. *dēad*) 92, *deade* (др. а. *dēap*): *eade* (= *eade*; др. а. *ēap*) 177, *deade* вместо *deade* 88, *dead* вместо *dead* 98, *dead(e)* 49, 60, 94, 156, 157, *ead* 111, *eade* 76, 137, *unneade* 92, *veawe* (др. а. *fēawa*) 168, *lean* (др. а. *lēan*) 30, *lazelease* (др. а. *-lēas*) 141, *lease* 125, *gutlease* вместо *godlease* 166, *reauinge* (др. а. *rēafung*) 124, *stream* (др. а. *strēam*) 121, *unþeawe* (др. а. *unþēaw*) 167, *ealde* (др. а. *ēald*): *healde* (др. а. *hēaldan*) 150, *ealdi* 1, *eald* 2, *hundredfealde* (др. а. *-fēald*) 25, *wealde* (др. а. *wēaldan*): *ihialde* 26, *wealde*: *bihialde* 185, *eazzen* (др. а. *ēage*) 180, *heaze* (др. а. *hēah*) 44.

2. др. а. /*ēa*/ — ср. кент. *ia*: *viawe* 167, *hialde* 26, *ihialde* 26, *bihialde* 137, 185, *haruedhialde* (в рукописи: *harue ihialde*) 151, *wialded* 40, *wiales* (др. а. *wēalas*; от *wēalh*) 91. Хотя диграф *ia* в Поэме *Morale* встречается не столь часто, он служит важным признаком принадлежности памятника к кентскому диалекту, потому что написания такого типа широко употребляются в Кентских проповедях (рукопись *Laud.* 471 XIII века) и, особенно, *Auenbite of Inwyt*.

3. др. а. /*ēa*/ — ср. кент. *e*. В большинстве случаев перед заднеязычными щелевыми: *raketeze* (др. а. *racent-tēah*, *-tēage*): *heze* (др. а. *hēah*) 135, *ezen* (др. а. *ēage*) 36, *heze* 78, 135, *þezh* (др. а. *þēah*) 2, 47, 53, *þeh* 108, *þed* вместо *þeh* 79, *ec* (др. а. *ēac*) 1, 37, 39, 132. Написание *e* в других положениях имеется в *ded(e)* 54, 58, 89, *ded* вместо *ded* 88, *bred* 137, *endelese* 68, *unuede* 88.

Кентские проповеди¹¹

1. др. а. /*ēa*/ — ср. кент. *ea*: *beleawe* (др. а. *be-lēafa*) 27, 28, 32, 35, *beleauēe* 34, *great* 31, 32, *greater* 35, *feawe* 34, *seaweth* (др. а. *scēawian*) 33, *seawede* 27, *seawede* 34, *seawede* 35, *seauinge* 26.

⁹ В других среднеанглийских диалектах рефлексy др. а. /*ēa*/ писались *ea*, *æ*, *e*; при том те же знаки употреблялись для рефлексов др. а. /*ē*/. См. K. Luick, Указ. соч., § 356 Апт. 1.

¹⁰ Рукопись *Digby A.* 4 XIII века. Формы Поэмы *Morale* берутся из работы Конрата (M. Konrath, *Zur Laut- und Flexionslehre des Mittelkentischen*, „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen“, Bd. LXXXVIII, 1892, S. 47—66, 157—180; Bd. LXXXIX, S. 153—166.

Цифры означают строфы в издании Цупитцы (J. Zupitza, *Zum Poema Morale*, „Anglia“, Bd. I, Heft 1, S. 5—38). Нами приводятся рефлексy не только исконно долгих дифтонгов, но и рефлексy кратких, подвергшихся удлинению, так как последние разделили судьбу долгих. Как установил Конрат, в кентском удлинённые краткие имеются лишь в тех положениях, где после удлинённых гоморганных групп согласных обязательно следовал еще и гласный (См. M. Konrath, *Archiv LXXXVIII*, S. 50—51). Но мы обычно пропускаем крайне редкие, явно случайные формы, типа *slōn* (др. а. *slēan*), *graale* (др. а. *grēat*) и т. п., которые могут быть инодиалектальными формами, просто описками и т. п.

¹¹ Формы Кентских проповедей взяты нами из работы Конрата (M. Konrath, *Archiv LXXXVIII*). Цифрами указаны страницы издания Морриса (R. Morris, *An Old English Miscellany*, London, 1872).

2. др. а. /*ĕa*/ — ср. кент. *ia*, *ya* : *beliaue* 27, 30, 32, 34, *diadlich(e)* 27, 31, 32, 33, 35, 36, *diath* 27, *diapē* 36, *griat(e)* 33, 34, 36, *yare* (др. а. *ĕare*) 36, *ialde* 27, *ihialde* 30. Таким образом новые кентские написания *ia*, *ya* встречаются даже чаще традиционного *ea*.

3. др. а. /*ĕa*/ — ср. кент. *e* *deþ* 28, *gret(e)* 31, 32.

Ayenbite of Inwyt¹²

1. др. а. /*ĕa*/ — ср. кент. *ea*. а) В чередовании *ea* — *yea* (*iea*, *ya*, *ye*): *ealde* 102, 166, 169, 182, 193, 229, *ealdinge* 95, *eare* 179, 189, 194, 211, 244, 257, *earen* 204, 249, 257, 263, *onneape* (др. а. *-ĕape*) 15, 17, 28, 29, 33, 50, *beatē* (др. а. *bĕatan*) 210, 236, *beat* 30, 69, 116, *ybeate* 236, 239, *bread* 38, 52, 110, 111, 112, 135, 236, 249, 262, *cheaste(s)* (др. а. *cĕast*) 2, 57, 65, 66, 139, 239, *dead(e)* 36, 86, *deadlich(e)* 47, 223, *deap(e)* 87, 195, *deau* (др. а. *dĕaw*) 91, 136, 144, *deawe* 91, *bedeawep* 95, 116, *beualde* (др. а. *beĕaldan*) 188, *byuealde* 8, *healde* 5, 24, 37, 38, 46, 53, 64, 93, 132, 254, *yhealde* 101, 132, 193, *healdeþ* 54, 123, 145, *healdinge* 34, *heap(e)* (др. а. *hĕap*) 130, 267, *lead(e)* (др. а. *lĕad*) 150, 151, *leas* прет. (др. а. *lĕas*) 85, *uorleas* 181, 184, *uaderlease* прил. (др. а. *-lĕas*) 193, *wytlease* 86, *teares* (др. а. *tĕ-ar*) 135, 171. б) В чередовании *ea* — *yea* — *e*: *leaf* (др. а. *lĕaf*) 232, *leaue* 1, *leaues* 57, 59, 60, 61, 95, 210, *beleauē* (др. а. *-lĕafa*) 2, 11, 14, 29, 145, 165, 166, 207, 244, *bileauē* 43, *byleauē* 12, 14, 19, 101, *byuleauē* 243, *yleauē* 50, 112, *leazinge(s)* (др. а. *lĕasian*) 2, 58, 62, 63, 77, 138, 255, 256. в) В чередовании *ea* — *e*: *beaz* прет. (от др. а. *būgan*) 239, *kuēad*, *quead*: (др. а. *cwĕad*) 11, 16, 17 и др., *uleaz* прет. (др. а. *flĕah*, от др. кент. *flion*, *fliogan*) 129, 141, *greate* 9, 15, 16 и др., *heaued* (др. а. *hĕafod*) 2, 16, 26, 29 и др., *heaueden* 2, *heauedes* 14, 15, 16, *sseawu* (др. а. *scĕawian*) 56, 73, 146, *sseawep* 21, 22, 26, 32, 47, 54, 92, 145, *sseawede* 13, *ysseawed* 44, 76, 89, *sseawynge* 14, *sseawere* 84, 237, 244, *slea* (др. а. *slĕan*) 223, *stream(es)* (др. а. *strĕam*) 72, 97, 121, 202, 244, *þeawes* (др. а. *þĕaw*) 17, 78, 129, 153, *þeawes* 131. г) Одно *ea*: *chealde* (др. а. *cĕald*) 242, *cheace* (др. а. *cĕace*) 248, *cheape* (др. а. *cĕap*) 36, 44, 256, *cheapfare* 36, *ueawe* (др. а. *fĕawa*) 162, 254, 256, *beuleap* (др. а. *beĕlĕan*) 182, 218, *greade* (др. а. *grĕada*) 196, *toheawe* (др. а. *to-hĕawan*) 178, *toheauþ* 62, *lþeape* (др. а. *hlĕapan*) 27, 89, 93, 156, *lþeapeþ* 140, *on-leak* (др. а. *-lĕac*) 67, *leat* прет. (др. а. *lĕat*) 239, *ureaued* прич. (др. а. *rĕafian*) 143, *þreapny* (др. а. *þrĕarian*) 84, *þreapnyng(e)* 38, 65, 66, 121.

2. др. а. /*ĕa*/ — ср. кент. *yea* (*iea*, *ya*, *ye*). а) В чередовании *ea* — *yea* и одно *yea*: *yealde* 97, 124, 126, 181, 184, 204, 213, 236, *yealdy* 97, *yealdeþ* 75, *yalde* 7, *yware(n)* 47, 154, 177, 211, *yere* 28, *yeren* 257, *yeast* (др. а. *ĕast*) 124, *yestre* (др. а. *ĕastre*) 213, *byad* прет. (др. а. *bĕad*, от *bĕodan*) 41, *byat* (др. а. *bĕatan*) 100, *ybyate* 239, *bryead* 107, *bryad* 110, *chyaste* 67, *dyead* 79, 240, 241, *dyad(e)* 12, 13, 31, 61, 130, 205, 258, 263, *dyeadlich* 72, 170, 244, *dyadlich(e)* 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 19, 20, 171, 244, *dyeap(es)* 72, 169, 173, 201, 208, *dyap(e)* 7, 12, 13, 14 и др., *dyeaue* (др. а. *dĕaf*) 211, *dyaue* 56, 189, 211, 224, *dyaf* 1, *uealdinde* (др.

¹² Формы Ayenbite of Inwyt мы берем из работы Конрата (M. Konrath, Archiv LXXXVIII) и из книги Валленберга (J. K. Wallenberg. The Vocabulary of Dan Michel's Ayenbite of Inwyt. Uppsala, 1923). Цифры означают страницы издания Морриса (R. Morris, Dan Michel's Ayenbite of Inwyt. London, 1866).

а. *fēaldan*) 239, *dyau* (др. а. *dēaw*) 144, *hyealde* 9, 11, 23, 53 и др., *hyalde* 21, 54, 132 и др., *hyeldeþ* 124, *hieap* 159, *hyeape* 139, 205, *hyap* 159, *lyad* 141, *lyeas* прет. 203, *uorlyas* 242, *uaderlyese* прил. 188, *zyalde* прет. (др. а. *sēald*) 215, *tyares* .74, 96, 160, 161, 171, 202, 212, *tyares* 173, 226, *tyeres* 96, 161, 267. 6) В чередовании *ea* – *yea* – *e*: *lyeaf* (др. а. *lēaf*) 62, 231, *lyeae* 1, *lyeaues* 57, 96, *lyaf* 230, *bylyae* (др. а. *-lēafa*) 203, *lyeasinge(s)* (др. а. *lēasian*) 45, 60, 175, *lyazinges* 63, *lyesinges* 10, 57.

3. др. а. */ēa/* – ср. кент. *e*. а) В чередовании *ea* – *e* и одно *e*: *kuede* 48, 85 и др., *gretteste* 67, *greteste* 88, *grete* 23, 77, *heued* 31, 186, 240, *heuede* 258, *heuedes* 15, *ssewy* (др. а. *scēawian*) 25, 44, 69, 71, 79, 80, 229, 237, *sseweþ* 19, 26, 34 и др., *ssewede* 96, 103, *yssewed* 26, 79, 94, 109, *ssewyng* 36, 61, *ssewere* 88, 158, 202, 237, 245, *ssrewe* (др. а. *scrēawa*) 32, 192, *sle* инф. (др. а. *slēan*) 48, *streme(s)* 72, 248, *þewes* (др. а. *þēaw*) 79.

За небольшими исключениями, только через *e* пишутся рефлексы др. а. */ēa/* перед заднеязычными щелевыми: *eze(n)* (др. а. *ēage*) 19, 45, 75 и др., *leze* (др. а. *lēag*) 145, *hez* (др. а. *hēah*) 25, 88, 101 и др., и лишь *beaz* прет. (др. а. *bēah*) 239, *uleaz* прет. (др. а. *flēah*) 129, 141¹³. 6) В чередовании *ea* – *yea* – *e*: *leues* (др. а. *lēaf*) 230, 233, *byleue* (др. а. *-lēafa*) 11, 126, 143, 176, 207, 243, *misbileue* 13, *lezinges* 63.

Вильям из Шорехема¹⁴

Мы не будем полностью приводить формы Вильяма из Шорехема, ограничившись некоторыми общими замечаниями.

В подавляющем большинстве случаев рефлексы др. а. */ēa/* здесь обозначаются *ea*, *e*. Употребление обоих знаков явно беспорядочное. Новые кентские написания типа *ya* крайне редки: *diap* 25, *lias* 156, *groundlyas* 147, *sennelyas* 102, *byaldeþ* 17. Вряд ли можно написания рефлексов др. а. */ēa/* у Вильяма из Шорехема считать показательными: они больше свидетельствуют о влиянии других диалектов, чем о своеобразии кентского развития.

Рефлексы др. а. */ēo/*, */io/* в среднекентских памятниках обозначаются как правило диграфами *ye*, *ie*¹⁵.

¹³ Последовательность обозначения рефлексов */ea/* перед заднеязычными щелевыми через *e* свидетельствует о позиционно обусловленном развитии. Сходное явление наблюдается и при обозначении рефлексов др. кент. */ia/* в этом положении (см. ниже).

¹⁴ Рукопись *Additional* 17. 376 XIV века. Мы цитируем формы Вильяма из Шорехема из работы Конрата (M. Konrath, Archiv LXXXVIII). Мы указываем страницы издания Конрата (M. Konrath, The Poems of William of Shoreham, Part I, London, 1902; сам Конрат в статье обозначал слова по изданию Райта: T. Wright, The Religious Poems of William de Shoreham, London, 1849).

¹⁵ Рефлексы др. а. */ēo/*, */io/* в других среднеанглийских диалектах в начале периода еще устойчиво обозначаются *eo*. В дальнейшем в одних диалектах (прежде всего, северных и восточно-центральных) все чаще употребляется *e*, в других (западно-центральных и некоторых южных) наряду с *eo* употребляются знаки *o*, *u*, *ue*, *ei*, *e*. Это, конечно, свидетельствует о разной судьбе дифтонга в разных диалектах. См. K. Luick, Указ. соч., § 357.

Поэма Morale

1. др. кент. /iō/ — ср. кент. *ie*: *biede* сущ. (др. кент. *bīod*) 128, *bien* инф. 19, 20, 28, 146, 179, *ibien* прич.1, *ibie* прич. 66, *bied* 10, 12, 15 и др., *vorbiēt* (др. кент. *forbīodan*) 147, *diefle* (др. а. *dīofol*) 124, 130, *diere* сущ. (др. кент. *dīor*): *swiere* (др. а. *swīora*) 69, *viende* (др. а. *fīond*): *frende* (др. а. *friōnd*) 107, *biflien* (др. кент. *befliōn*) 73, *glie* (др. кент. *gliō*) 139, *hielden* прет. 82, 142, *riewe* инф. (др. кент. *hrīowan*): *siewe* прет. 11, *zeu* (др. кент. *iōw*) 75, 109, 111, 139, *liezen* инф. (др. кент. *liogan*): *driezen* (др. кент. *driogan*) 139, *niewe* (др. кент. *nīowe*) 150, *siec* (др. кент. *sīoc*) 97, *sien* (др. кент. *sīon*) 75, *isien* 9, 55, 182, 183, *ouersied* 36, *bieue* (др. кент. *biōf*): *lieue* (др. кент. *liōf*) 22, *piestre* (др. кент. *piōstre*) 37, *piester* 134.

2. др. кент. /iō/ — ср. кент. *e*: *ben* 22, 49, 56 и др., *deuel* 104, *defles* 94, *vend* 136, *frend* 89, 107, 145, *rewen* (др. а. *hrēowan*) 170.

3. др. кент. /iō/ — ср. кент. *i*. Примерами служат слова с рефлексами древнекентского дифтонга в исходном положении: *bi* инф. 1, 45, 77, и др., *bi* сосл. наст. 2, 3, 15 и др., *hi* (др. кент. *hiō*) 175, *si* (др. кент. *sīo*) 32, 35, 98, 165, 174. Также: *lihte* сущ. (др. кент. *liōht*) 36, 180, *liht* 134.

Кентские проповеди

1. др. кент. /iō/ — ср. кент. *ye, ie*: *yede* (др. кент. *iode*) 26, 27, 29, 33, 35 *bie* инф. 32, 34, *bie* сосл. наст. 31, 33, *ibye* прич. 34, *bien* инф. 26, 33, *bied* 30, *biedh* 31, *bieth* 28, *bieþ* 31, 32, 34, 35, 36, *dieule* 28, *hye* 29, *liese* инф. (др. кент. *liosan*) 26, *liest* 31, *liesed* 30, *þrie* 26, 27, 28.

2. др. кент. /iō/ — ср. кент. *e*: *ibe* прич. 34 (четыре раза), 35 (дважды), *betwene* (др. кент. *betwīonum*) 26, *biknewe* прет. (др. кент. *cnīowon*) 26, *deuel* 33, *deueles* 34, *iuel* прет (др. а. *gefēol*) 29, *frend* 34, *helden* прет. (др. а. *hēoldon*) 34, *legheþ* (др. кент. *liogan*) 36, *newe* 31, *þefte* 31.

3. др. кент. /iō/ — ср. кент. *i*. Как и в Поэме Morale, рефлексы др. кент. /iō/ через пишутся в конце слова: *bi* инф. 28, *hi* 27, *si* 26, 27, 28, 30, 31, 32. Также *licht* (от. др. кент. *liōhtan*) 27.

Ayenbite of Inwyt

1. др. кент. /iō/ — ср. кент. *ye, ie*: *yede* 67, 215, *yeden* 74, *yerne* (др. кент. *iornan*) 39, 55, 111 и др., *yerþe* (др. а. *ēorþe*) 8, *byenne* (др. кент. *bion*) 131, *byeþ* 1, 5, 6 и др., *bieþ* 157, *byeth* 11, 13, *byet* 66, *bied* 138, *byet(e)* прет. (др. кент. *bīot*, от *bēatan*) 156, 175, *byete* сосл. прет. 191, *byet* (др. кент. *bīodan*) 181, *uorbyet* 6, 8, 9 и др., *bryest(en)* (др. кент. *brīost*) 175, 247, *chyese, chiese* (др. кент. *ciosan*) 86, 101, 164, 165, *chyst* 126, *chiesep* 45, *chyezinge* 42, *chyewe* (др. кент. *ciowan*) 111, *cryepe* (др. кент. *criopan*) 107, *dyeuel* 15, 16, 23 и др., *dyeulès* 17, 19, 23 и др., *dyeule* 1, 16, 19 и др., *dyeulen* 53, 73, 83 и др., *dyep* 264, *dyepe* 99, 171, 211, *dyepnesse* 105, 152, 211, *dyere, diere* прил., нар. (др. кент. *dīore*) 36, 44, 68 и др., *dierþe* 256, *uyend, uiend* 157, 170, 206, 240, *uyende, uiende* 19, 206, 231, *uyendes* 75, 79, 92, 114, *vlyeþ* (др. кент. *fliōn, fliogan*) 39, 58; *uryend* 117, 162, *uriende* 194, *uriendes, uryendes* 42, 67, 69 и др., *hyelde* сосл. прет. 27, *lyeue* (др. кент. *liōf*) 104, 117, 118, 213, *lyeze* (др. кент. *liogan*) 10, 22, 44 и др., *lyezþ* 63, 77, *lyezep* 52, 129, *lyezunge* 143, *lyezere(s)* 58, 62, 177, 256, *lyese*

(др. кент. *liosān*) 31, 34, 40 и др., *liese* 214, *lyest*, *liest* 33, 49, 214 и др., *lyesep* 57, *lyezep* 149, 160, 192, *uorlyesep* 57, *uorlyezinge* 156, 243, *ssyetere* (др. кент. *sciōtere*) 174, *zyenne* (др. кент. *siōn*) 108, 150, 231, *uzyenne* 108, 228, 238, *zyep* 16, 33, 81, 92, *uzyep* 46, 72, 75, *tyene* сущ. (др. кент. *tiōna*) 31, 34, 64 и др., *tyeny* (др. кент. *tiōnian*) 99, 161, *tyenep* 34, 142, *tyene* пов. 73, *oftyened* прич. 66, *þyef* (др. кент. *þiōf*) 37, 51, 59 и др., *þief* 135, 171, *þyeue* 263, *þyeues* 37, 38, 43, 131, 133, 253, *þieues* 79, 190, *þyefþe* 34, 37, 38, 192, *þiefþe* 9, *þyester* 266, *þyestre* 45, 159, 270, *þiestre* 159, *þiesterliche* 244, *þyesterness(e)* 108, 189, 264, 270, *þiesterneſse* 200, 243, *wyed hoc* (др. кент. *wiodhoc*) 121, *wyueued* (др. кент. *wiofod*) 236, *wyueude* 111, 236, *wyefde* 14, *wryep* (др. кент. *wriōn*) 61, 175.

2. др. кент. */iō/* – ср. кент. *e*: *bē* инф. (др. кент. *biōn*) 234, 247, *bē* сосл. 16, *chewunge* (от др. кент. *ciōwan*) 111, *toclēue* (др. кент. *tocliōfan*) 50, 56, *bekneu* прет. (др. кент. *cnīow*) 215, *knewen* 246, *uknewe(n)* 245, 246, *derrer* прил. ср. (др. а. *diore*) 36, *uend* 1, 227, 228, *uerþe* (др. кент. *fiōrða*) 2, 3, 8 и др., *uerþinges* 193, *uleþ* 25, 41, 61, *beuleþ* 61, *uleze(n)* сущ. (др. кент. *flioge*) 58, 136, 270, *urend* 149, 162, 166, 186, 228, *urende* 194, *urendes* 30, 77, 93, 184, 247, 261, *urendrede* 149, *reupe* (от др. кент. *hriow*) 186, 187, 190, 192, *reupeuol* 116, 186, 188 и др., *leue* (др. кент. *liōf*) 109, 113, 117, *letere* 31, 32, *lezers* (др. кент. *liogere*) 19, *newe* 7, 97, 99 и др., *ynewed* 107, *prest(es)* (др. кент. *priost*) 40, 191, 225 и др., *uzeþ* (др. кент. *siōn*) 16, 36 и др., *zuere* (др. кент. *swiōra*) 155, 156, *trewē* (др. кент. *triowe*) 101, 103, 108, 117, 135, 170, *treweste* 166, *ontrewe* 18, 32, 37 и др., *treweliche* 134, 135, 169, *treueliche* 79, *trewliche* 218, *treupe* (др. кент. *triowþ*) 48, 65, 163, 169, *trewþe* 153, 221, 256, *ontreupe* 17, 18, 19, 32, 218, *ontreweþe* 189, *betuene* (др. а. *betwionum*) 4, 30, 43 и др., *þreu* прет. (др. кент. *þriow*) 133, *weued* (др. кент. *wiofod*) 167, *weuede* 235, *wefde* 112, *wreþ* (др. кент. *wriōn*) 61.

3. др. кент. */iō/* – ср. кент. *i*, *y*. Как и в других памятниках, написания через *i*, *y* являются обозначением рефлексов др. кент. */iō/* в конце слова: *by* инф. 1, 5, 7 и др., *bi* 147, *by* сосл. 1, 6 и др., *bi* 103, 105, 107, 153, *by*, пов. 54, 85, 187, *yby* прич. 21, 31, 51, 225, 239, *vly* (др. кент. *fliōn*, *fliogan*) 217, 254, *beuly* 9, 15, 60 и др., *ury*, *uri* прил. (др. а. *frīo*) 86, 87, 165, *uri* пов. (др. кент. *frīon*) 262, *hi*, *hy* 1, 5, 6 и др., *zy* (др. кент. *siō*) 102, *zyu*, *zyi*, *izi* (др. кент. *siōn*) 24, 27, 70, 73, 164 и др., *ysy*, *ysi* 21, 27, 54 и др., *wry* (др. кент. *wriōn*) 258, *onwri* 174.

Вильям из Шорехема

Ввиду многочисленности и малой надежности форм у Вильяма из Шорехема мы не будем приводить эти формы полностью.

1. др. кент. */iō/* – ср. кент. *e* (*ee*). Написание является правилом для середины слова: *bede* (др. кент. *biōdan*) 10, *forbede* 46, 78, *forbedep* 11, *depe* (др. кент. *dīop*) 98, 140, *deuel* 57, 148 и др., *ſend* 5, 10 и др., *ſeend* 13, 76 и др., а также множество других форм. *e* употребляется часто и в исходе слова: *bē* 102, 103, 139 и др., *se* (др. кент. *siōn*) 108, *see* 131 и другие слова.

2. др. кент. */iō/* – ср. кент. *y*. Написание *y* встречается чаще всего в исходе слова: *by* 108, 116, 125 и др., *fry* 98, *hy* 109, 135, 149 и другие формы. Однако в отличие от других памятников, здесь очень часто употребляется и буква *e* (см. выше).

3. др. кент. /iō/ — ср. кент. *ze: byzede* (др. кент. -iode) 139, *zede* 41, 118, 155, *under-*, *onder-zede* 84, 120.

Рефлексы др. а. /ĕa/, /ĕo/, /iō/ в имеющихся среднекентских памятниках обычно пишутся *a*, *e*. Этим кентский ничем не отличается от других диалектов¹⁶.

Само собой разумеется, что предположения о фонетическом характере дифтонгов /ĕa/, /ĕo/, /iō/ в кентском диалекте и их развитии в древнеанглийский и среднеанглийский периоды построены, исходя в основном из рассмотренных орфографических особенностей. Написание /ĕa/ через *aea* в ранних кентских грамотах были истолкованы как одно из доказательств, что первым элементом дифтонга был гласный [æ], который мог остаться таковым в течение всего древнеанглийского периода¹⁷. Смещение диграфов *io* и *eo* рассматривается как доказательство слияния дифтонгов /iō/ и /ĕo/. Согласно одной точке зрения, как слияние кратких /ĕo/, /iō/, так и слияние долгих дифтонгов /ēo/, /iō/ должно было представлять собой изменение /ĕo/ > /iō/¹⁸. Согласно второй, так слились только долгие: /ēo/ > /iō/; в случае же кратких дифтонгов, произошло слияние /iō/ > /ĕo/¹⁹. Бюльбринг искал как будто еще и третьего решения данного вопроса: как и все, он говорит о слиянии /ēo/ > /iō/, но, в отличие от других, предполагает слияние /iō/ и /ĕo/ в каком-то промежуточном между ними дифтонге [i^o]²⁰.

В своих предположениях о слиянии /ēo/ > /iō/ лингвисты исходили, конечно, из все возрастающей тенденции употреблять диграф *io* при обозначении как /iō/, так и /ēo/. Подобная тенденция, как это было показано, наблюдалась в древнекентском и в случае обозначения /iō/, /ĕo/. На основе этой тенденции одни лингвисты сделали вывод, что слияние кратких дифтонгов в сущности ничем не отличается от слияния долгих, т.е. /ēo/ > /iō/. Но так как в сохранившихся древнекентских памятниках диграф *eo* при обозначении /ĕo/ все-таки остался более частым написанием, чем *io*, а среднекентское /ĕ/ (< /ĕo/, /iō/)

¹⁶ В других среднеанглийских диалектах рефлексы др. а. /ĕa/ с XI в. начали писаться *ea*, *æ*, *e*, с XII в. — все чаще *a*. Рефлексы др. а. /ĕo/, /iō/ с XI в. начали писаться *eo*, *o*, *e*; написания *eo*, *o* долго сохранились (вплоть до XIV и даже XV вв.) лишь в памятниках западно-центральных и южных диалектов, — в памятниках северных и восточно-центральных диалектов написание *e* стало правилом значительно раньше. См. K. Luick, Указ. соч., § 356, 357.

¹⁷ H. Sweet, A History of the English Sounds, Oxford, 1888, § 427, 459.

¹⁸ E. Sievers—K. Brunner, Указ. соч., § 38; Joseph and Mary Wright, An Old English Grammar, London, 1934, § 85, 135; Их же, An Elementary Middle English Grammar, Oxford, 1934, § 67; R. Quirk, C. L. Wrenn, An Old English Grammar, London, 1959, § 205; Sh. Kuhn, On the Syllabic Phonemes of Old English, "Language", Vol. XXXVII, No 4, 1961, p. 538. Однако Кун тут же замечает, что /ĕo/ слилось с /iō/ в позднем древнекентском, видимо, неполностью.

¹⁹ K. Luick, Указ. соч., § 260, 261; A. Campbell, OE Grammar, § 297; R. Jordan, Handbuch der mittelenglischen Grammatik, Heidelberg, 1925, § 70, 74, 85.

²⁰ K. Bülbriig, Altenglisches Elementarbuch, Heidelberg, 1902, § 112, 141, 238. [i^o] означает гласный, произносимый со степенью раскрытия, промежуточной между степенью раскрытия [i] и [e].

проще возвести к дифтонгу с первым элементом [e], т.е. [ēo], другие лингвисты сочли более вероятным изменение [īo] > [ēo]. Бюльбринга натолкнуло на мысль о слиянии дифтонгов [īo] и [ēo] в промежуточном [i^eo], видимо, одновременное беспорядочное употребление знаков *io* и *eo*, как будто свидетельствующее, что результатом слияния не могло быть ни [īo], которое обозначалось бы *io*, ни [ēo], которое обозначалось бы *eo*, а что-то среднее.

Вопрос о времени слияния [īo], [ēo] решается, как правило, очень поверхностно. Некоторые исследователи довольствуются тем, что относят изменения просто к древнеанглийскому периоду или, по крайней мере, к его концу²¹. По Зиверсу, Бюльбрингу, Луику слияние [ēo] и [īo] началось уже с конца VII в. Завершение слияния долгих предполагается не позже X в. Слияние же кратких иногда относится даже к более позднему периоду²².

Написания *ia*, *ea* вместо *io*, *eo* при обозначении дифтонгов [īo], [ēo] в кентских памятниках тоже рассматриваются как результат имевшего здесь место отдельного изменения. Это так называемая делабиализация дифтонгов [īo], [ēo], сущность которой заключается в потере вторым элементом огубленности²³. Здесь речь, конечно, может идти лишь об изменениях в фонетической природе дифтонгов, ни в какой мере не затрагивающих их фонологический статус двугласных фонем. Поэтому для нас написания *ia*, *ea*, для [īo], [ēo] важны лишь как своеобразное свидетельство, что второй элемент этих дифтонгов не был огубленным гласным.*

Написания *eo* для [ēa] иногда рассматриваются как случаи — правда, редкого — смешения дифтонгов [ēa] и [ēo]²⁴. На наш взгляд неправомерно в какой бы то ни было форме ставить такой вопрос не только потому, что написания *eo* для [ēa] исключительно редки, но и потому, что они легко объяснимы как результат употребления написаний *io*, *eo*, *ia*, *ea* при обозначении [īo], [ēo]. Появление *ea* в случае [ēo] ([īo]), как можно было понять из всего вышесказанного, не считается каким-либо свидетельством смешения дифтонгов [ēa] и [ēo] ([īo]). Здесь *ea* понимается как вариант *io*, *eo*, *ia*: вследствие того, что второй элемент [īo], [ēo] был неогубленным гласным, наряду с диграфами *io*, *eo* могли появиться диграфы *ia*, *ea* и употребляться так же беспорядочно, как беспорядочно употреблялись *io*, *eo*. Осмысление диграфов *io*, *ia*, *eo*, *ea* как свободных вариантов при обозначении [īo], [ēo] может при-

²¹ J. Wright, ME Grammar, § 67; R. Jordan, Указ. § 74, 85; R. Quirk, Указ. соч., § 205; Sh. Kuhn, Phonemes of OE, p. 538.

²² E. Sievers—K. Brunner, Указ. соч., § 38; K. Bülbring, Elementarbuch, § 141, 238; K. Luick, Указ. соч., § 260, 261.

Для сравнения следует сказать, что слияние дифтонгов [īo], [ēo] в других диалектах представлено как переход [īo] > [ēo] и датируется в мерсийском VIII—IX вв., в уэссекском — IX в., в нортумбрийском оно относится к XI в. См. K. Luick, Указ. соч., § 261; E. Sievers—K. Brunner, Указ. соч., § 38.

²³ H. M. Chadwick, Studies in OE, p. 188; A. Campbell, OE Grammar, § 280; Его же, OE Will, p. 149; Его же, Some Old Frisian Sound Changes, TPS ("Transactions of the Philological Society"), 1939, London, p. 86; R. Huchon, Histoire de la langue anglaise, T. I, Paris, 1923, p. 171.

²⁴ H. M. Chadwick, Studies in OE, p. 188.

вести к тому, что и при обозначении /*ĕa*/ хотя бы в редких случаях обычное *ea* будет заменяться *eo*²⁵.

В среднекентском самый большой интерес для исследований представляет судьба долгих дифтонгов. Анализируя написания типа *ea*, *ia*, *ya*, *yea*, *iea*, *ye*, *e* (др. а. /*ĕa*/), *ye*, *ie*, *e* (др. а. /*ĕo*/, /*ĭo*/) исследователи пытались интерпретировать — в основном фонетически — рефлексы долгих дифтонгов /*ĕa*/, /*ĕo*/, /*ĭo*/ в среднекентском и установить, каким изменениям подверглись эти дифтонги в кентском при переходе от древнеанглийского периода к среднеанглийскому и в течение самого среднеанглийского периода. Иногда высказывались предположения, что среднекентский в некоторых случаях сохранил дифтонги типа древнеанглийских, только с подвергшимся сужению первым элементом. Так, Морзбах²⁶ предполагал почти такое же произношение, какое традиционная грамматика устанавливала для древнеанглийских дифтонгов:

[*ĕā*], [*ĕĕ*], [*ĭā*] < др. а. /*ĕā*/;

[*ĭā*] < др. а. /*ĭo*/, /*ĕo*/.

Наряду с этим написание *e* на месте др. а. /*ĕa*/, /*ĕo*/ он понимал как обозначение звуков [*ɛ*], [*ē*]. Кун тоже предполагает сохранение дифтонгического /*ĭo*/ или /*ĭo*/ < др. а. /*ĕā*/ даже в XIV в.²⁷ Однако большинство лингвистов считают, что древнеанглийские долгие дифтонги в среднекентском сохранились — во всех или только в определенных положениях — как восходящие дифтонги. Другими словами, развитие дифтонгов /*ĕā*/, /*ĕo*/, /*ĭo*/ в кентском понимают как переход нисходящих древнеанглийских дифтонгов в восходящие среднекентские дифтонги, главным образом путем перетяжки ударения²⁸. Притом нужно заметить, что лишь немногие идут дальше простой констатации факта перетяжки ударения и пытаются вскрыть ее причины.

²⁵ Написания *ea*(*ia*) для /*ĕo*/ (/ *ĭo*/) в мерсийских памятниках слишком редки, чтобы на их основе можно было бы предполагать делабиализацию /*ĕo*/ (/ *ĭo*/) или фонологическое смешение /*ĕo*/ (/ *ĭo*/) с /*ĕā*/). Сложнее дело обстоит в нортумбрийском диалекте, где обе альтернативы одинаково возможны. С одной стороны, широкое смешение *eo* и *ea* может свидетельствовать о слиянии /*ĕo*/ и /*ĕā*/, с другой — об отсутствии огубленности во втором элементе /*ĕo*/ (северная часть нортумбрийского) или о сохранении огубленности вторым элементом /*ĕā*/ (южная часть). О существующих точках зрения по этому вопросу подробнее см. J. W. Watson Jr. Northumbrian Old English *ēo* and *ĕā*, "Language", Vol. XXII, No 1, 1946, p. 19—20. Сам Уотсон является автором теории слияния /*ĕo*/ с /*ĕā*/). Ср. также предположение Куна, что /*ĕā*/ слилось с /*ĕo*/ (Sh. Kuhn, Phonemes of OE, p. 535).

²⁶ L. Morzbach, Mittelenglische Grammatik, Halle, 1896, S. 22, 23.

²⁷ Sh. Kuhn, Phonemes of OE, p. 537. Ср. также предположение Бруннера, что «в Кенте, с некоторыми изменениями, сохранились, по-видимому, до XIV в., др.-англ. *ēa* и *ĭo*» (К. Бруннер, История английского языка, Т. I, Москва, 1955, стр. 192—193).

²⁸ Бауэр вслед за Беннеттом доказывал существование восходящих дифтонгов уже в древнекентском. Но предполагать это нет никаких оснований. Обозначение первых элементов /*ĕo*/, /*ĭo*/ через *i* должно указывать лишь на их узость. Написание *ya*, которое всего один раз встречается в Кентских глоссах (*smȳagenne* 749), легко объяснимо как результат смешения букв *y* и *e*. См. G. Bauer The Problem of Short Diphthongs in Old English, "Anglia", Bd. LXXIV, Heft 4, 1956, S. 427—437.

Рефлексы древнеанглийских $[\bar{e}a]$, $[\bar{e}o]$, $[\bar{i}o]$ в среднекентском как восходящие дифтонги рассматривают Суит, Хойзер, Моссе²⁹. По Суиту и Моссе др. а. $[\bar{e}a]$ изменилось в $[j\bar{a}]$, др. а. $[\bar{e}o]$, $[\bar{i}o]$ — в $[j\bar{e}]$, по Хойзеру соответственно $[j\bar{e}]$, $[j\bar{a}]$ и $[i\bar{e}]$. Уайлд допускал возможность, что древнеанглийские дифтонги сохранились в среднекентском как восходящие дифтонги $[j\bar{a}]$ или $[j\bar{e}]$, $j\bar{e}$ (др. а. $[\bar{e}a]$) и $[j\bar{e}]$ (др. а. $[\bar{e}o]$, $[\bar{i}o]$)³⁰. Но он также говорит, что окончательно [решить вопрос о том, были ли рефлексы древнеанглийских долгих дифтонгов в среднекентском дифтонгами или монофтонгами, невозможно³¹.

В работах ряда лингвистов заметно стремление исходить из тех или других особенностей обозначения рефлексов др. а. $[\bar{e}a]$, $[\bar{e}o]$, $[\bar{i}o]$ в среднекентском. Учет регулярностей употребления знаков позволило им утверждать, что, во-первых, кентские памятники XIII—XIV в.в. отражают такое состояние языка, при котором среднекентские восходящие дифтонги, заменившие нисходящие древнеанглийские дифтонги, уже успели во многом претерпеть существенные дальнейшие изменения и что, во-вторых, изменения древнеанглийских дифтонгов и их среднекентских рефлексов нужно рассматривать, учитывая положение в слове. Такой подход был уже характерен для Конрата, который считал, что др. а. $[\bar{e}a]$ в начале слова стало $[j\bar{a}]$, в середине $[\bar{a}]$, др. а. $[\bar{i}o]$ ($[\bar{e}o]$) — $[j\bar{e}]$ в начале, $[\bar{e}]$ — в середине³². Конрат в своем предположении, несомненно, исходит из частотности написаний типа *yea*, *ye* для рефлексов др. а. $[\bar{e}a]$, $[\bar{i}o]$ ($[\bar{e}o]$) в начале слова. Однако нужно сразу заметить, что развитие древнеанглийских дифтонгов, которое должно было привести к среднекентскому состоянию, Конратом трактуется очень произвольно и тем самым неубедительно. Конрат считает, что такое распределение звуков, какое предполагает он, получилось благодаря появлению перед дифтонгами в начале слова протетического $[j]$: $[\bar{e}a] > [j\bar{e}a]$, $[\bar{e}o] > [j\bar{e}o]$. При стяжении должно было получиться соответственно $[j\bar{a}]$, $[j\bar{e}]$. Поэтому точка зрения Конрата кажется очень субъективной по сравнению с трактовками данного вопроса всеми другими лингвистами, которые объясняют появление восходящего дифтонга перетяжкой ударения, а наличие монофтонгов на месте древнеанглийских дифтонгов считают, как правило, результатом потери $[j]$.

Райт³³ признает сохранение восходящих дифтонгов до XIV в. Как он объясняет, др. а. $[\bar{e}a]$ стало восходящим дифтонгом во второй половине XII в. и писалось *ea*, *ia*, *ya*, *yea*, в XIV в. — *e*, реже *ye*, что должно означать, что к этому времени оно стало $[\bar{e}]$ (по Райту, видимо, долгим открытым гласным). Аналогично развивался дифтонг $[\bar{i}o]$ ($[\bar{e}o]$). В раннем среднеанглийском $[\bar{i}o]$ изменилось в $[\bar{i}\bar{a}]$. На следующем этапе оно стало восходящим дифтонгом

²⁹ H. Sweet, History, § 443, 649, 659, 679, 683; H. Heuser, Zum Kent. Dialekt im Mittelenglischen. "Anglia", Bd. XVII, Heft 1, 1895, S. 76, 81; F. Mossé, Manuel de l'anglais du moyen âge. II, Moyen-anglais, T. I, Aubier, 1949, § 30 Remarque 5.

³⁰ H. C. Wyld, A Short History of English, London, 1914, § 166, 168.

³¹ H. C. Wyld, A History of Modern Colloquial English, New York, 1937, p. 41—42.

³² M. Konrath, Archiv LXXXVIII, S. 64, 65—66, 169.

³³ J. Wright, ME Grammar, § 63, 67.

и писалось *ie*, *ye*, иногда *i*, *e*. В XIV в. в середине слова оно перешло в [e], но сохранилось в конце, где оно позже дало [i].

Йордан³⁴ весь процесс изменения древнеанглийских долгих дифтонгов в кентском изображает как сужение первого элемента, перетяжку ударения и утрату [j] в некоторых положениях. Перетяжку ударения Йордан ставит в зависимость от уменьшения полнозвучности первых элементов при сужении. В результате перетяжки ударения возникшие [iē] или [jē] (др. а. /ēa/), [iĕ] (др. а. /io/, /ēo/) были наиболее устойчивы в начале слова. В середине слова [i] сохранилось лишь после некоторых согласных, прежде всего дентальных; в других случаях, особенно после групп согласных, оно исчезло. В конце слова раннее среднеанглийское [iē] (< др. а. /io/, /ēo/) сохранило ударение на первом элементе, и когда второй элемент редуцировался, получилось [i].

Как своеобразно модифицированную теорию перетяжки ударения следует выделить интерпретацию Луика³⁵. Развитие древнеанглийских долгих дифтонгов в кентском диалекте Луик объяснял, исходя из предположения о существовании так называемых уравновешенных дифтонгов („schwebende Diphthonge“) [ea] (др. а. /ēa/), [ie] (др. а. /ēo/, /io/). Уравновешенный дифтонг [ea] в зависимости от условий ударения в одних случаях перешел в восходящий дифтонг [ea], который после дентальных в свою очередь перешел в [iā]; в других случаях он дал нисходящий дифтонг [eā], [eā], из которого, вследствие ослабления в XIV в. второго элемента, развилось простое [ē]. Первое развитие отражено в написаниях *ea* — *ya*, *yea*, второе — в написаниях *ea* — *ē*. Луик замечает, что написание *ye* могло означать изменение [eā] в [iā]. Аналогично уравновешенный дифтонг [ie] развился в восходящий дифтонг [iē], откуда могло возникнуть [ē], или в нисходящий дифтонг [iĕ], [iĕ], который в конце слова стал [i]. Первое изменение отражено в написаниях *ie* — *ye* (*ē*), второе — в *ie* — *i*, *y*.

При рассмотрении развития долгих дифтонгов в кентском от теории Луика отталкивается Валленберг³⁶. Но он вкладывает в термин «уравновешенные дифтонги» иной, чем Луик, смысл и приходит к другим выводам. Согласно его объяснению, долгий первый элемент дифтонга /ēa/ в средний период подвергся сокращению. Получается уравновешенный дифтонг [ēa], под которым понимается дифтонг с обоими элементами примерно одинаковой долготы. После группы согласных первый элемент [e] сохраняет качество гласного, но после одного согласного, особенно дентального, первый элемент мог переходить в [j], в результате чего получаются сочетания типа [dj]. Поэтому написания *ya*, *yea* встречаются почти исключительно только после одного согласного и практически отсутствуют после группы согласных. Валленберг склонен считать, что триграф *yea* (*iea*), встречаемый в *Auenbite of Inwyt*, обозначает трифтонг [iea], и что даже *ye* означает редуцированный этот трифтонг вследствие отпадения третьего элемента. Далее Валленберг объясняет развитие др. кент. /io/ (др. а. /ēo/, /io/). Претерпев некоторые фоне-

³⁴ R. Jordan, Указ. соч., § 61 b, 82, 85.

³⁵ K. Luick, Указ. соч., § 359.

³⁶ J. K. Wallenberg, Указ. соч., S. 305—313.

тические изменения, оно стало [iē] (или [iā]). Редукция [iē] могла происходить двумя способами: путем исчезновения второго элемента в конце слова и путем сокращения первого элемента в других положениях. Сокращение первого элемента [iē] вело к появлению уравновешенного дифтонга [iē] с обоими элементами примерно одинаковой долготы. В некоторых случаях могла происходить перетяжка ударения на второй элемент: [iḗ], [jḗ], в результате которой первый элемент становился, по сути дела, согласным.

Так как рефлексy др. а. /ēa/, /ēo/, /io/ в кентских памятниках XIII—XIV вв. обозначаются буквами *a*, *e* — так же, как и в большинстве других диалектов в это время, судьба древнеанглийских кратких дифтонгов в кентском не считается чем-нибудь отличной от их судьбы в других диалектах. Другими словами, и в кентском предполагается стяжение кратких дифтонгов вокруг первого элемента³⁷.

На основе особенностей орфографии, возможности взаимной причинной обусловленности отдельных изменений и критической оценки исследований других лингвистов, мы даем следующее фонологическое объяснение развитию древнеанглийских дифтонгов /ēa/, /ēo/, /io/ в кентском диалекте.

Развитие древнеанглийских дифтонгов в кентском следует понимать как очень длительный процесс, охватывающий изменения как в фонетической природе, так и в фонологическом статусе. Согласно нашей трактовке, первыми важному фонетическому изменению подверглись /ēa/, /ēa/. Это было сужение первого элемента [æ] в [e]. Таким образом, если до сужения дифтонги /ēa/, /ēa/ представляли собой звуки скольжения от переднего открытого гласного по направлению к центральному или заднему открытому гласному, т.е. [æa], после сужения они должны были стать звуками скольжения от переднего гласного средней степени раскрытия в направлении центрального или заднего открытого гласного, т.е. [ea]³⁸.

Сужение первых элементов /ēa/, /ēa/ нужно предполагать исходя, прежде всего, из сужения монофтонгов /ē/ той же степени раскрытия, как и первые элементы дифтонгов: раз звук [æ] подвергся сужению как фонема (/ē/ >

³⁷ Сущность такого изменения формулирует Луик: „Einer der bezeichnendsten Züge beim Übergang vom Alt- zum Mittelenglischen ist die Umbildung der altenglischen Diphthonge, welche schließlich zu ihrer vollständigen Beseitigung führte. Der Vorgang bestand im allgemeinen darin, daß die zweite (unbetonte) Komponente schwächer wurde und schließlich ganz schwand, während die erste dieselbe Quantität erhielt, welche der ganze Diphthong gehabt hatte, und in gewissen Fällen einen Teil der Artikulation der zweiten — die Rundung — übernahm (K. Luick, Указ. соч., § 355).

³⁸ Сужение первого элемента /ēa/, как можно было видеть по обзору литературы, является общепризнанным фактом.

Сужение первого элемента /ēa/ предполагалось Луиком для части западно-мерсийского диалекта. Луик в своем предположении исходит из среднеанглийских написаний типа *der*, *erm*, *herm* и т. п. (См. K. Luick, Указ. соч., § 364 Anm. 3). Халлквист предполагает сужение первого элемента /ēa/ в древнеанглийском для обширной группы южных диалектов, в том числе и кентского. Наиболее вескими аргументами его предположения являются написания типа *-biare* др. а. *bēaru*, *Dyale* < др. а. *Dēalla* в среднеанглийских топонимических названиях из Корнуэлла, Девона, Уайта и др. См. H. Hallqvist, *Studies in Old English Fractured ea*, Lund, 1948, p. 18—21.

/ē/), он мог по аналогии начать произноситься с меньшей степенью раскрытия и там, где он являлся элементом двугласной фонемы. Изменение */ēa/* должно было происходить примерно в тот же самый период, как и изменение */ǣ/*. Но как известно, краткое */ēa/* имело два основных источника возникновения — преломление и велярный умлаут. А велярный умлаут */ā/* > */ēa/* является более поздним изменением, чем переход */ǣ/* > */ē/*: только когда в результате сужения */ǣ/* > */ē/* */ā/* стало единственным гласным наибольшей степени раскрытия, оно могло умлаутироваться в */ēa/*. Так как подвергшиеся велярному умлауту аллофоны фонемы */ā/* фонетически должны были быть звуками типа *[æ]*, возникший дифтонг, скорее всего, был звуком типа *[æa]*. Если */ēa/* возникшее в результате преломления фонетически уже было *[ea]*, велярный умлаут */ā/* > */ēa/* означал возникновение нового аллофона, отличительной чертой которого был более широкий первый элемент. Потом произошла унификация под аллофон *[ea]*. Однако нужно предполагать, что период существования */ā/* перед задними гласными после того, как оно стало единственной наиболее открытой фонемой, был минимально краток: */ā/* могло тотчас умлаутироваться в */ēa/*. Непосредственная близость во времени сужения */ǣ/* > */ē/* и велярного умлаута */ā/* > */ēa/* позволяет считать, что вариант *[æa]* в результате велярного умлаута возник тогда, когда еще и в произношении дифтонга, возникшего в результате преломления, могли существовать колебания между вариантами *[æa]* — *[ea]*.

Сужение первых элементов */ēa/* до степени *[e]* в орфографии древнекентских памятников не нашло никакого отражения. Это и понятно, потому что диграф *ea*, если исходить из фонетической значимости букв в древнеанглийских диалектах, передавал фонетическую природу *[ea]* даже точнее, чем природу *[æa]*. Орфография засвидетельствовала сужение */ēa/* лишь в среднекентском, когда появились написания типа *ia*. Правда, эти написания в среднекентских памятниках свидетельствуют прежде всего о том, что в рефлексах */ēa/* слоговым ядром стал второй элемент, а первый элемент превратился, по сути дела, в полугласный */j/*. Тем не менее не подлежит сомнению тот факт, что полугласный */j/* из первоначально открытого гласного мог появиться лишь путем сужения³⁹.

Самое главное, что кентское слияние дифтонгов */ēo/* и */to/* лучше всего поддается объяснению как результат давления со стороны дифтонга */ēa/*, которое тот мог оказать лишь при сужении своего первого элемента.

³⁹ Случаи обозначения велярного умлаута от */ā/* в памятниках VIII в. (ср. *the-abul* гр. 5/7) свидетельствуют, что еще раньше, по крайней мере в конце VII в., произошло слияние */ǣ/* > */ē/*. К VII—VIII вв., видимо, относится и сужение */ǣ²/*. Поэтому можно ожидать, что в VII—VIII вв. происходит и сужение */ēa/*. Этому, как будто, противоречат формы с *aea* в самых ранних грамотах. Но орфография могла еще и не отразить этих изменений дифтонга */ēa/*, как она еще не отражала и сужение */ǣ/*. Наличие написаний *aea* в других диалектах свидетельствует, что это было принятое ранее обозначение дифтонга */ēa/*, которое должно было употребляться и в кентском, несмотря на некоторые фонетические отличия кентских дифтонгов. Самое главное, что формы ранних грамот очень ненадежны. Обозначение */ēa/* как и */ǣ/* здесь могло происходить целиком под инодиалектальным влиянием.

По нашему мнению, орфография отдельных грамот IX в. указывает уже на исчезновение фонологического противопоставления $|\bar{e}o|$ — $|io|$. В крайнем случае можно было бы лишь допустить, что, хотя фонологическое противопоставление $|\bar{e}o|$ — $|io|$ уже было устранено, $|\bar{e}o|$ еще сохранялось в виде более редкого факультативного варианта $|io|$. Так или иначе, мы вправе считать, что смещение $|\bar{e}o|$ и $|io|$ началось очень рано, примерно в тот же самый период, к которому относится слияние $|\bar{a}| > |\bar{e}|$ и предполагаемое нами сужение первого элемента $|\bar{e}a|$. Это и позволяет нам рассматривать данные изменения как во многом взаимно обусловленные.

Хотя слияние дифтонгов в кентском представляется как изменение $|\bar{e}o| > |io|$, по мнению некоторых, также $|\bar{e}o| > |io|$, а в других диалектах как $|io| > |\bar{e}o|$, с фонологической точки зрения оно в каждом случае имеет одинаковое значение: во всех диалектах дифтонги $|io|$, $|\bar{e}o|$ перестали противопоставляться по признаку открытости и уже как одна фонема меньшей степени раскрытия стали противопоставляться фонеме большей степени раскрытия $|\bar{e}a|$. Но стремление определить, в каких диалектах произошло слияние $|\bar{e}o| > |io|$, $|\bar{e}o| > |io|$, и в каких $|io| > |\bar{e}o|$, $|io| > |\bar{e}o|$, имеет смысл в том случае, когда речь идет об изменениях в фонетической природе дифтонгов $|\bar{e}o|$, $|io|$ при их слиянии. Есть все основания считать, что слияние в кентском происходило при сужении первого элемента дифтонгов $|\bar{e}o|$, $|\bar{e}o|$ и что результатом слияния здесь был дифтонг с более узким чем в других диалектах первым элементом. Узкий характер первого элемента в дифтонге, появившемся в результате слияния $|io|$ и $|\bar{e}o|$, явствует, прежде всего, из его превращения в полугласный $|j|$ в среднекентском. Узость первых элементов как в долгом, так и в кратком дифтонге подтверждается также орфографией. Все возрастающая тенденция употребить диграф io при обозначении $|\bar{e}o|$, $|io|$ и значительно большее чем в других диалектах число написаний io при обозначении $|\bar{e}o|$, $|io|$ является одной из отличительных черт кентских письменных памятников.

Возникает вопрос, в силу каких причин дифтонги $|io|$ и $|\bar{e}o|$ при слиянии в кентском подверглись иного рода фонетическим изменениям, чем в других диалектах. Кентские особенности слияния $|io|$ и $|\bar{e}o|$ станут легко объяснимы, если исходить, повторяем, из сужения первого элемента $|\bar{e}a|$. Когда под влиянием сужения $|\bar{a}| > |\bar{e}|$ первый элемент дифтонга $|\bar{e}a|$ стал $[e]$, это грозило опасностью слияния $|\bar{e}a|$ и $|\bar{e}o|$, для фонологического противопоставления которых была характерна высокая функциональная нагрузка. Противопоставление могло сохраниться только при сужении первого элемента и в дифтонге $|\bar{e}o|$. Но это в свою очередь способствовало смещению дифтонгов $|\bar{e}o|$ и $|io|$. Ранее слияние дифтонгов $|\bar{e}o|$ и $|io|$ почти во всех древнеанглийских диалектах свидетельствует, что противопоставление $|\bar{e}o|$ — $|io|$ было неустойчивым. Неустойчивость противопоставления, должно быть, зависела не столько от причин фонетического характера, сколько от того, что оно не имело большого смыслообразительного значения. Когда в кентском начал действовать такой фонологический фактор, как давление со стороны $|\bar{e}a|$, которого не было в других диалектах, слияние $|\bar{e}o|$ и $|io|$ могло здесь осуще-

ствиться несколько раньше и, что самое важное, при другого типа фонетических изменениях.

Ранние изменения дифтонгов определили, в основном, последующее их развитие. Развитие долгих и кратких должно было протекать во многом идентично. Но так как в среднекентских памятниках обозначение рефлексов $|\bar{e}a|$, $|\bar{e}o|$, $|\bar{i}o|$ отличается от обозначения рефлексов $|\bar{e}a|$, $|\bar{e}o|$, $|\bar{i}o|$, идентичность не могла быть до конца полной. Поэтому в дальнейшем следует отдельно рассматривать изменения долгих и отдельно изменения кратких.

Итак, в период после слияния $|\bar{i}o|$ и $|\bar{e}o|$, дифтонг $|\bar{e}a|$ представлял собой звук скольжения не только от передней артикуляции к задней, но и от менее открытой артикуляции к более открытой: $[ea]$. Вполне возможно, что уже с самого начала степень раскрытия отличались и элементы дифтонга $|\bar{i}o|$ ($<|\bar{i}o|$, $|\bar{e}o|$), т.е. дифтонг был фонетически $[i\bar{a}]$. Если же дифтонг $|\bar{i}o|$ непосредственно после слияния фонетически был $[i\bar{o}]$, т.е. с одинаково узкими первыми элементами, в скором времени должно было произойти понижение его второго элемента. Прежде всего, ведь если даже он первоначально артикулировался от переднего узкого гласного в направлении заднего узкого гласного, акустически второй элемент был как будто ниже первого, равным образом как задние гласные акустически ниже передних⁴⁰. Но самое главное, что второй элемент $|\bar{i}o|$ имел фонологические возможности к расширению: он мог расширяться, не подвергая опасности противопоставление $|\bar{i}o| - |\bar{e}a|$, потому, что второй элемент дифтонга $|\bar{e}a|$ был шире первого. Другими словами, в любом случае дифтонг $|\bar{i}o|$ вскоре после слияния был $[i\bar{a}]$, т.е. был двугласной фонемой, которая артикулировалась от переднего узкого гласного в направлении заднего гласного средней степени раскрытия. Став звуками скольжения в направлении задней и в то же самое время более открытой артикуляции, кентские дифтонги, по сравнению с дифтонгами в других диалектах, приобрели большую устойчивость. Ведь монофтонгизацию дифтонгов $|\bar{e}a|$ $[ea]$, $|\bar{e}o|$ $[eo]$ в других диалектах нужно понимать не только как редукцию вторых элементов, обусловленную силовым ударением, но и как фонетическое уподобление второго элемента первому. В кентском такое уподобление стало более трудным, потому что здесь разница подчеркивалась не только положением языка, как в других диалектах, но и признаком открытости.

На следующем этапе своего развития кентские скользящие дифтонги $|\bar{e}a|$ $[ea]$, $|\bar{i}o|$ $[i\bar{a}]$ стали дифтонгами с возрастающей степенью раскрытия $[ea]$, $[e\bar{e}]$, т.е. второй элемент стал чисто передним гласным, отличающимся от первого лишь большей степенью раскрытия. Изменение $[ea] > [e\bar{e}]$ обусловлено наличием пустой клетки в системе долгих монофтонгов:

$ \bar{i} $	$ \bar{u} $
$ \bar{e} $	$ \bar{o} $
	$ \bar{a} $

Хотя после слияния $|\bar{a}| > |\bar{e}|$ $|\bar{a}|$ стало единственной фонемой наибольшей степени раскрытия, фонетически оно, как показывает последующий переход $|\bar{a}| > |\bar{a}|$, осталось задним гласным, тяготеющим к огубленности. При про-

⁴⁰ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Москва, 1960, стр. 110.

изношении второго элемента /*ēa*/ [*ea*] язык, конечно, достигал менее заднее положение, чем при произношении фонемы /*ā*/, той же самой степени раскрытия. В связи с отсутствием /*ā*/ второй элемент /*ēa*/ пользовался полной «свободой» изменения в направлении еще более переднего произношения. Неизбежность такого изменения станет очевидной, если учесть, что оно увеличивало зону безопасности между дифтонгом /*ēa*/ и монофтонгом /*ā*/, не подвергая опасности противопоставление дифтонга с какой-либо другой гласной фонемой. Когда второй элемент /*ēa*/ стал передним гласным [*æ*], при отсутствии соответствующей монофтонгической фонемы, он мог брать смысловозначительную функцию постепенно на себя. Постепенно усиливающееся выделение второго элемента сперва должно было привести к возникновению чего-то вроде «уравновешенного дифтонга» Луика, в котором оба элемента одинаково четки фонетически и выполняют одинаково важную смысловозначительную функцию⁴¹. В конечном счете оно должно было привести к полной замене дифтонга монофтонгом /*ā*/. Ведь по мере все большей и большей акцентуации второго элемента, первый элемент должен соответственно терять полнозвучность, переходить в полугласный или исчезать:

[*ea*] > [ɛæ], [*iā*] > [jæ], [α].

[*iā*] уже будет не двугласная фонема, а бифонемное сочетание /j/ + /*ā*/.

Аналогично нужно объяснять изменения в корреляте дифтонга /*ēa*/ — в дифтонге /*io*/. Становление /*io*/ дифтонгом с возрастающей степенью раскрытия ([*il*] > [*ie*]) было, вполне возможно, лишь своеобразной реакцией на становление таким звуком дифтонга /*ēa*/ ([*ea*] > [*æ*]). С другой стороны, сама фонетическая природа /*io*/ [*il*] могла обусловить его развитие в направлении [*ie*]. Хотя дифтонг /*io*/ [*il*] и представлял собой звук скольжения в направлении задних гласных, его второй элемент отличался от последних отсутствием огубленности. Тем самым акустически второй элемент оставался близким передним неогубленным. По этой причине /*io*/ и могло очень легко пере-

⁴¹ С точки зрения сужения первого элемента /*ēa*/ и палатализации его второго элемента большой интерес представляют некоторые формы так называемого Кентерберийского псалтыря (Eadwine's Canterbury Psalter). Рефлексы др. а. /*ēa*/ среди других написаний здесь обозначаются *ea*: *deæpe*, *eægæ*. Хотя и неоднородный в языковом отношении, этот памятник отличается многими явно кентскими особенностями. Было бы очень заманчиво и написания *ea* рассматривать как отражение кентского развития дифтонгов. Эти написания могли бы соответствовать периоду, когда первый элемент подвергся сужению, второй элемент стал палатализованным гласным и даже выделялся сильнее первого. Палатализация второго элемента не вызывает сомнений ввиду его обозначения через *æ*. Равным образом буква *e*, употребляемая рядом с *æ* указывает, что первый элемент был уже второго. Труднее доказать, что второй элемент был сильно выделяемым гласным. Ведь Юшон объясняет написания *ea* как признак палатализации второго элемента перед его редукцией. К этому можно было бы заметить, что написания *ea* вполне могут свидетельствовать и о стремлении точнее передать фонетическую природу второго элемента ввиду его фонетической отчетливости и фонологической важности.

Рукопись Псалтыря датируется первой половиной XII в., но так как она является копией, она может содержать архаизированные написания, т. е. написания *ea* не обязательно должны отражать положение начала XII в. См. R. Nisdon, Указ. соч., т. II. p. 46—49.

стать быть звуком скольжения назад, становясь дифтонгом с возрастающей степенью раствора. При усиливающемся выделении второго элемента /*ēa*/ должен был соответственно сильнее выделяться и второй элемент /*io*/ [*ie*], так как только таким путем могла сохраниться четкость фонологического противопоставления /*ēa*/ — /*io*/ . А это означает, что первый элемент будет терять полнозвучность, переходить в полугласный или исчезать, вследствие чего произойдет замена дифтонга /*io*/ монофтонгом /*ē*/ (одним или в сочетании с /*j*/): [*ie*] > [*ie*] > [*je*], [*e*].

Предлагаемая теория развития долгих дифтонгов создана с учетом в первую очередь орфографических показаний среднекентских памятников. При этом роль основных ориентиров играли два положения, которые в той или другой форме признаются большинством исследователей: 1) второй элемент дифтонгов стал слоговым ядром; 2) первый элемент сохранился как полугласный или исчез. Сейчас мы можем вернуться к более детальному анализу среднекентской орфографии, для того чтобы детализировать нашу теорию и, с другой стороны, для того чтобы, исходя из общих положений развития, решить некоторые спорные вопросы самой орфографии.

Среднекентские рефлексы др. а. /*ēa*/ мы могли в основном подразделить на три группы: 1) обозначаемые традиционным диграфом *ea*; 2) обозначаемые новыми специфически кентскими написаниями *ia*, *ya*, *yea*, *iea*, *ye* и 3) обозначаемые монографом *e*. Такая классификация оставляет невключенными лишь незначительное количество форм. Так как в *Auenbite of Inwyt*, Кентских проповедах и *Poema Morale* традиционное *ea* и написания типа *ya* составляют подавляющее большинство случаев, мы имеем в орфографии довольно четкое противопоставление рефлексов /*ēa*/ другим гласным. Это вполне соответствует предположению, что результатом развития /*ēa*/ была новая фонема /*ā*/ . Даже если для рефлексов /*ēa*/ и встречается написание *e*, то это отнюдь не означает их орфографического смещения с /*ē*/, потому что последняя фонема не обозначается через *ea*, *ia*, *ya*, *yea*, *iea*.

Нет никаких оснований ставить вопрос о том, не может ли под разнообразием новых кентских написаний *ia*, *ya*, *yea*, *iea*, *ye* скрываться какие-либо — хотя бы фонетические — различия звуков. Во-первых, выбор этих знаков бывает явно случайным, беспорядочным. Во-вторых, подобное предположение явилось бы механической трактовкой знаков, оторванной от фонологической интерпретации развития /*ēa*/ . Варьирование новых кентских написаний *ia*, *ya*, *yea*, *iea*, *ye* легко поддается объяснению как явление чисто графическое. Как можно судить по орфографии *Poema Morale*, Кентских проповедей, модификация диграфа *ea* для того, чтобы он лучше соответствовал природе рефлексов /*ēa*/, началась с учащающейся замены первого элемента *e* через *i*. Появление диграфа *ia* должно означать сужение первого элемента /*ēa*/, утрату им полнозвучности и даже переход в полугласный. *ya* в *Auenbite of Inwyt* является, безусловно, вариантом этого написания. Трудно сказать, когда впервые появились написания *yea*, *iea* — в *Auenbite of Inwyt* или раньше. Но именно они лучше всех должны передать сущность сочетания /*j*/ + /*ā*/ . Лишь чрезмерная громоздкость могла помешать их широкому применению. Диграф *ye* мог писаться для сочетания /*j*/ + /*ā*/ так же, как *e* во

всех среднеанглийских диалектах писалось для $|\bar{e}|$. Но так как *ye* употреблялась для рефлексов $|\bar{i}o|$, при обозначении рефлексов $|\bar{e}a|$ оно осталось редким написанием.

Другое дело взаимное соотношение написаний типа *yea*, традиционного диграфа *ea* и монографа *e*. В *Ayenbite of Inwyt* *yea* употребляется в начале слова (см. рефлексы др. а. *ēald, ēare, ēast, ēastre*), в большинстве случаев после одинарного согласного, особенно дентального (см. рефлексы др. а. *bēad, bēatan, dēad, dēaþ, tēar* и др.), и почти не встречается после группы согласных (см. рефлексы др. а. *grēat, hlēapan, strēam, brēapian*). *yea*, как правило, чередуется с *ea*. Лишь в некоторых случаях в середине слова к чередованию *yea* — *ea* присоединяется *e* (см. рефлексы др. а. *lēaf, -lēafa, lēasian*). В словах, в которых *yea* не встречается, правилом является *ea*. Характерно, что в этих случаях *ea* часто чередуется с *e* (см. рефлексы др. а. *grēat, hēafod, scēawian, strēam, hēaw*). Все это свидетельствует, что *ea* обладало как будто двойной значимостью. В одних словах оно как будто является вариантом *yea* и передает, соответственно, сочетания $|\bar{j}| + |\bar{e}|$, в других — вариантом *e* и передает $|\bar{e}|$.

При таком понимании значимость *ea* мы вправе считать, что в языке *Ayenbite of Inwyt* рефлексами $|\bar{e}a|$ являлись: 1) сочетание $|\bar{j}| + |\bar{e}|$ в начале слова, в середине слова после дентальных, в середине слова после любого другого согласного, если рефлекс обозначаются *yea* или *yea* — *ea*; 2) монофтонг $|\bar{e}|$ где рефлекс $|\bar{e}a|$ обозначаются *ea*, *e*, *ea* — *e* (обычно после группы согласных, но также и после одного согласного). Чередование *yea* — *ea* — *e* можно считать признаком неустойчивости сочетания $|\bar{j}| + |\bar{e}|$: по-видимому, в словах, где оно наблюдается, формы с полугласным чередуются с формами без него, или его в произношении уже совсем не было.

Орфография рефлексов $|\bar{e}a|$ в Кентских проповедях очень близка орфографии *Ayenbite of Inwyt*, хотя орфография *Роема Морале* отличается большей традиционностью. Но в обоих памятниках она может быть истолкована так же, как и в *Ayenbite of Inwyt*. Конечно, в них значительно меньше форм и они менее благонадежные. Интересно, что здесь имеются написания рефлексов др. а. *dēaþ* как *deþ*, хотя в *Ayenbite of Inwyt* *e* после дентальных не встречается. Может быть, эти написания появились благодаря случайному пропуску буквы *a* после *e*, или благодаря инодиалектальному влиянию. Одинаково возможно, что полугласного не было в большем числе форм, чем можно судить по орфографии *Ayenbite of Inwyt*. В таком случае написания *deþ* в Кентских проповедях и *Роема Морале* означают, что и после дентальных на месте $|\bar{e}a|$ в одних формах могло быть $|\bar{j}| + |\bar{e}|$, в других — $|\bar{e}|$. Такое варьирование после дентальных уже могло существовать и тем не менее не отразиться в орфографии *Ayenbite of Inwyt* посредством написаний через *e* потому, что в *Ayenbite of Inwyt* диграф *ea* начал, несомненно, восприниматься чаще как обозначение монофтонга $|\bar{e}|$, чем как обозначение сочетания $|\bar{j}| + |\bar{e}|$. Это проявляется, в частности, в появлении триграфа *yea*, где диграфу *ea* ясно отводится роль обозначения лишь $|\bar{e}|$, наконец в том, что в словах, где отступают написания *yea*, диграф *ea* употребляется всегда чаще *e* или даже является единственным написанием, т.е. написаниям типа *yea* противопоставляются прежде всего написания *ea*.

Все формы, в которых др. а. $|\bar{e}a|$ стало одним $|\bar{e}|$, было бы проще всего объяснять как результат утраты $|j|$, т.е. др. а. $|\bar{e}a|$ первоначально везде должно было дать $|j| + |\bar{e}|$, а потом, к периоду среднекентских памятников, $|j|$, при возникновении неблагоприятных сочетаний звуков или под влиянием других диалектов, в некоторых словах исчезло. Одинаково возможно, что $|j|$ в некоторых словах никогда и не существовало. Ведь если возникновение $|j|$ грозило неблагоприятным звукомсочетанием, дифтонг $|\bar{e}a|$, как только его первый элемент потерял в достаточной степени полнозвучность, мог быть непосредственно заменен монофтонгом $|\bar{e}|$. Непосредственная замена дифтонга монофтонгом могла происходить особенно часто после группы согласных.

Так как в словах *yede* < др. кент. *iode*, *yerne* < др. кент. *iornan* (с удлинением) *ye* должно обозначать сочетание $|j| + |\bar{e}|$ так же, как и в словах типа *yet* < др. кент. *gēt*, *yer* < др. кент. *gēr*, мы вправе утверждать, что в период Рюема Морале, Кентских проповедей и Ауенбите of Инвут рефлексом др. кент. $|\bar{i}o|$ в начале слова было сочетание $|j| + |\bar{e}|$. Однако в середине слова $|j| + |\bar{e}|$ на месте др. кент. $|\bar{i}o|$ могло быть лишь в редких случаях. Прежде всего, написания *ie*, *ye* при обозначении рефлексов $|\bar{i}o|$ очень часто чередуются с *e* (см. обозначение рефлексов др. кент. *diore*, *fiond*, *friond*, *liof*, *wiofod*). Для некоторых слов монограф бывает единственный знак (см. обозначение рефлексов др. кент. *betwionum*, *tocliöfan*, *swiorav* в Ауенбите of Инвут). С другой стороны, *ye*, *ie* употребляются для обозначения закрытого долгого монофтонга $|\bar{e}|$ (< др. кент. $|\bar{e}|$), как это можно видеть по примерам Ауенбите of Инвут: *zuyetnesse* 145, 162 (наряду с *zuetnes*; др. а. *swētnes*);

hyere, *hiere* 70, 154, 177 и др. (наряду с формами типа *yhere*; др. кент. *hēran*);

hyer, *hier* 18, 20, 54 и др. (только в таких написаниях; др. а. *hēr*).

К этому можно добавить, что *ye*, *ie*, так же чередуясь с *e*, встречаются во многочисленных французских словах, где тоже предполагается монофтонг:

chiere < др. фр. *ch(i)ere*,

clier, *clyer* < др. фр. *cler*,

sostyeni, *sostenep* *sastyenep* < др. фр. *sustenir* и т. п.

В Ауенбите of Инвут диграфы регулярно пишутся лишь после дентальных (см. написания рефлексов др. кент. *diop*, *diore*, *diöfol*, *tiona*, *tionian*). В Рюема Морале, Кентских проповедей *e* встречается и после дентальных (см. написания рефлексов др. кент. *diöfol*).

Следовательно, орфография Ауенбите of Инвут, Рюема Морале и Кентских проповедей отражает такое состояние языка, когда рефлексом др. кент. $|\bar{i}o|$ в начале слова было $|j| + |\bar{e}|$, в середине — чаще всего $|\bar{e}|$. В середине слова сочетание $|j| + |\bar{e}|$ могло наличествовать после дентальных. Наличие в середине слова одного $|\bar{e}|$ должно быть объяснено как результат выпадения $|j|$ или как результат непосредственной замены $|\bar{i}o|$ через $|\bar{e}|$. $|\bar{e}|$ (< $|\bar{i}o|$) продолжало писаться *ie*, *ye* не только по традиции, но и благодаря влиянию французской орфографии, где эти знаки обозначали монофтонг.

Очень устойчивые написания *u*, *i* для рефлексов др. кент. */iō/* в конце слова были одинаково истолкованы всеми исследователями кентского диалекта как обозначение долгого звука *[i]*. Это, конечно, случай позиционно обусловленного развития, для которого решающую роль сыграли особые просодические условия. Хотя первоначально дифтонг фонетически изменялся, безусловно, так же, как и в других положениях, тенденция к редукции в конце слова противодействовала выделению второго элемента и сохранила первому полнзвучность. В результате редукции и исчезновения второго элемента дифтонг */iō/* слился с */i/*.

Нам осталось рассмотреть развитие кратких дифтонгов после слияния */iō/* и */ēō/*. После слияния дифтонг */ēa/* фонетически должен быть представлен как *[ea]*, */iō/* (<*/ēō/*, */iō/*) — как *[ul]*. Причина большей открытости второго элемента */iō/* — прежде всего, более широкий второй элемент */ēa/*. Слияние рефлексов др. кент. */ēa/*, */iō/* в среднекентском с */ā/*, */ē/* заставляет предполагать, что тип гласного, возникшего в результате развития кратких дифтонгов, определялся фонетической природой второго элемента. Выделение вторых элементов */ēa/*, */iō/* могло быть обусловлено, прежде всего, аналогичным выделением вторых элементов */ēa/*, */iō/*. Но, как следует предполагать, оно могло быть обусловлено и в случае кратких, и в случае долгих дифтонгов во многом аналогичными причинами.

Фонема */ā/* после того как ее передние аллофоны в положении велярного умлаута дифтонгизировались в */ēā/*, в большинстве случаев должна была быть представлена задними аллофонами *[a]*. Таким образом, фонетически она была близка задним гласным. Наличие пустой клетки */ā̃/* и обусловило изменение второго элемента в направлении более переднего произношения: *[ea]* > *[eā]*. Будучи фонетически *[ea]*, дифтонг более четко противопоставлялся */ā̃/* *[a]*.

Наличие пустой клетки */ā̃/* вызвало также и более сильное выделение второго элемента */ēa/* *[eā]*⁴². Более сильное выделение второго элемента было

⁴² В упомянутом Кентерберийском псалтыре рефлекс краткого */ēa/*, аналогично рефлексам долгого, очень часто обозначаются через *ea*: *bearn*. Если только эти формы можно считать кентскими, в них наглядно отражается сужение первого элемента, палатализация и, возможно, более сильное выделение второго элемента. В подстрочнике Бенедиктинского правила (начало XI в.) имеются написания *iarcie* (2), *iarcod*, *iarnunze*, *iallunga*. Шлемилх называет эти формы несомненно кентскими. Здесь, таким образом, сужение первого элемента */ēa/* нашло даже более наглядное выражение, чем в Кентерберийском псалтыре. По нашему мнению, эти формы свидетельствуют не столько о сужении до степени *[i]*, сколько об ослаблении первого элемента.

Собранные Халлвистом топонимические названия с элементами типа *-biage* < др. а. *bēaru* должны свидетельствовать о том же: сужение */ēa/* (как и */ā̃/*) вполне могло выходить за пределы Кента. Серьезные возражения должно вызвать лишь предположение Халлвиста о том, что некоторые южные диалекты (в том числе и кентский) могли сохранить дифтонг типа др. а. */ēa/* даже в XIII—XIV вв. Особенно это маловероятно для кентского. Нам кажется, что в топонимических названиях мы можем предполагать архаичность написаний.

См. R. Huchon, Указ. соч., т. II, р. 49; W. Schlemilch, Beiträge zur Sprache und Orthographie Spätallengl. Sprachdenkmäler der Übergangszeit, Halle, 1914, S. 25, 29; H. Hallqvist, Указ. соч., р. 18—21, 47—77.

важно не только для противопоставления $|\check{e}a|$ — $|\check{a}|$. Оно, прежде всего, увеличивало зону безопасности между $|\check{e}a|$ — $|\check{e}|$ и противодействовало их слиянию, что неизбежно произошло бы при редукции второго элемента. Нужно иметь в виду, что фонема $|\check{e}|$, как и $|\check{e}|$, в кентском отличалась большей частотностью, чем в любом другом диалекте. Это обусловлено тем, что кроме других источников возникновения, она здесь восходит также к др. а. $|\check{a}|$ и $|\check{y}|$. Распространенность преломления и велярного умлаута в кентском сделала частой фонемой и др. кент. $|\check{e}a|$. Поэтому противопоставление $|\check{e}a|$ — $|\check{e}|$ обладало высокой функциональной нагрузкой и его было важно сохранить. Выделение второго элемента $|\check{e}a|$ увеличивало, далее, четкость фонологического противопоставления $|\check{e}a|$ — $|\check{i}o|$. Частые написания *eo* для $|\check{i}o|$ ($<|\check{i}o|$, $|\check{e}o|$) могут указывать на то, что первый элемент этого дифтонга не был столь узок, как первый элемент дифтонга $|\check{i}o|$ ($<|\check{i}o|$, $|\check{e}o|$). Значит, степень различия между первыми элементами $|\check{i}o|$ и $|\check{e}a|$ могла быть очень невелика, меньше степени различия между первыми элементами $|\check{i}o|$ и $|\check{e}a|$. Вторые элементы $|\check{e}a|$ и $|\check{i}o|$ отличались, должно быть, не меньшей степенью раскрытия, как и гласные $|\check{a}|$ — $|\check{e}|$. Поэтому противопоставление кратких дифтонгов по вторым элементам и могло происходить лучше. Когда говорим, что выделение второго элемента $|\check{e}a|$ [*eæ*] обеспечивало более четкое противопоставление $|\check{e}a|$ — $|\check{i}o|$, мы одновременно подразумеваем, что соответственно выделялся и второй элемент дифтонга $|\check{i}o|$ [*ie*]⁴³.

В среднекентской орфографии нет никаких признаков того, что на месте кратких дифтонгов были сочетания полугласного с гласным, т.е. что их развитие могло приводить к фонемному расщеплению. Приходится предполагать, что развитие $|\check{e}a|$, $|\check{i}o|$ привело их просто к стяжению вокруг вторых элементов. Результатом стяжения $|\check{e}a|$ [*eæ*] было, конечно, [*æ*], что означало возникновение новой фонемы $|\check{æ}|$ и установление оппозиции $|\check{æ}|$ — $|\check{a}|$, которая, однако, еще до появления первых среднекентских памятников, была опять устранена вследствие слияния $|\check{æ}|$ с $|\check{a}|$. Стяжение $|\check{i}o|$ [*ie*] в $|\check{e}|$ означало слияние с $|\check{e}|$.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Anglų kalbos katedra

[iteikta
1964 m. balandžio mėn.

SENOSIOS ANGLŲ KALBOS DIFTONGŲ $|\check{e}a|$, $|\check{e}o|$, $|\check{i}o|$ LIKIMAS KENTO DIALEKTE

A. STEPONAVICIUS

R e z i u m ė

Diftongų vystymuisi Kento dialekte didelės reikšmės turėjo monoftongo $|\check{æ}|$ susiaurėjimas. Kento dialekte balsių, kilusių diftongų sutraukimo ir skilimo dėka, pobūdis priklausė nuo diftongų antrųjų elementų pobūdžio.

⁴³ Изменение к этому времени $|\check{i}o|$ [*iɪ*] в $|\check{e}|$ должно было произойти по тем же причинам, как и аналогичное изменение $|\check{i}o|$ (см. выше).